

«Завещание Глинки» — роман, относящийся к жанру, называемому в литературе «плутовским». Начал я его писать в 1950 году и после длительного перерыва закончил в 1960-м. Конечно, никакой надежды на публикацию в те времена быть не могло, но машинописные копии разошлись по рукам многих деятелей литературы и искусства, что вызвало большое неудовольствие некоторых музыкальных начальников.

В этом году я роман подсократил и «отремонтировал». Сюжет его построен на классическом «бродячем» приеме «поисков сокровища», с разнообразными приключениями, сопутствующими главному герою, композитору-песеннику Леонарду Тер-Фужерову, ринувшемуся в авантурные похождения, пытаюсь разыскать завещание М. И. Глинки, в котором якобы есть секретные сведения о способе быстро стать знаменитым и богатым.

Вниманию читателя предлагается глава, в которой герой романа пытается продать разным организациям свой новый шедевр: песню «Мытищинские ночи».

Роман выходит в издательстве «Советский композитор».

Леонард вошел в малый зал ВОМСа,* когда заседание песенно-плясовой комиссии уже началось. За круглым столом, важно посасывая неизменную сигару, сидел Борис Трубкин. Вокруг него живописно сгруппировались остальные члены комиссии — Жарптицкий, Пуччинин, Веселовский, Иногданский и Шампанец. Весь остальной зал был заполнен совершенно посторонними лицами — полунищего вида поэтами-графоманами, официантками из ВОМСовской столовой и проживающими во Дворце пенсионерками с грудными детьми на руках.

За роялем каменной глыбой сидел Михаил Грек — один из ВОМСовских начальников, не имеющий вообще никакого отношения к песенному творчеству, но на этот раз снизошедший до презренного жанра и решивший «поучить дилетантов-песенников», демонстрируя свое высокое мастерство. Грек играл чрезвычайно громко, а пел жалобным фальцетом, так что ничего разобрать было нельзя. Однако члены комиссии покорно слушали, не смея прерывать начальство.

— Ну кто хочет высказаться? — спросил Трубкин, когда Михаил закончил песню и воцарилось почти-тельное молчание. — Жарптицкий, давай!

— Хочется поздравить Михаила Иогановича с большой удачей, — восторженно начал рыжий Жарптицкий. — Вот результат обращения настоящего мастера крупных форм к нашему запущенному жанру. Какая гармоническая смелость, какая ясность и строгость формы! А финальный каданс?

И Жарптицкий, подойдя к роялю, сыграл на память несколько тактов, абсолютно не похожих на грековское творение.

— Уверен, что эту актуальную массовую песню о взятии Трои запоет вся наша молодежь. Большая, настоящая удача! — убежденно добавил он и, подойдя к скромно опустившему глаза Греку, сочно поцеловал его в губы.

— Кто еще хочет? — нежно улыбувшись Михаилу, спросил Трубкин. — Иногданский, давай!

— Когда слушаешь музыку Михаила Иогановича, всегда чувствуешь себя как-то чище, — вкрадчиво заговорил Иногданский, не отрывая влюбленных глаз от польщенного автора. — Каждая новая работа товарища Грека для нас откровение. Думаю, что музыкознаи, изучая этот шедевр, дадут музыкальной общественности много нового. Большая, большая, огромная удача!

И Иногданский склонился перед Михаилом, пытаясь поймать его руку для поцелуя. Михаил смущенно отодвинулся, и восхищенный оратор, продолжая шептаться: «Какая прелесть, какое очарование...» — сел на место, так и не отрывая влюбленных глаз от Грека.

— Кто еще? Веселовский, давай! — командовал Борис.

— Я позволю себе воздержаться. Нет слов. Слишком сложное впечатление, — отвечал Роман, шаткое положение которого в недрах ВОМСа не давало ему возможности высказать Греку всю горькую правду. — Я должен переварить и переосмыслить, — глубокомысленно добавил он.

— Может, у актива есть какие-либо вопросы к автору? — поинтересовался Трубкин.

— Можно мне? — из задних рядов поднялась пожилая женщина в платочке, с ребенком на руках.

— Пожалуйста, — сделал приглашающий жест Борис.

— Я с места, — робко сказала женщина из актива и смущенно замолкла.

Грек ободряюще смотрел на ораторшу, — он любил голос простого народа.

— Скажите, товарищи, в котором часу начнется занятие кружка кройки и шитья? — стесняясь всеоб-

щего внимания, спросила представительница широких масс и испуганно села под бурные аплодисменты Веселовского.

— Здесь вам не справочное бюро, — остроумно отпарировал Трубкин. — Веселовский, прекрати! — одернул он развеселившегося Романа. — Ну, Михаил, прими мой низкий поклон. Порадовал! Ей-Богу, порадовал! Настоящий русский размах! Большая душа! Широкий распева! — восторгался он. — Дай-кося, я тебя по-нашему, по-простому, расцелую! — и Борис припал к устам Грека с «большим мужским засосом». Покрасневший от удовольствия Михаил церемонно поблагодарил собравшихся и степенно удалился по ВОМСовским делам.

— Ну что у нас еще? — зевая и почесываясь, спросил Борис. — Фужеров, давай!

Леонард пробрался к роялю, тщательно расправил ноты, пугаясь, сыграв вступление к «Мытищинским ночам» и, широко раскрыв рот, заорал ужасным голосом. Уже на втором такте к нему присоединился нестройный хор разом завопивших пенсионерских младенцев, страшно напуганных фужеровским вокалом. Леонард в злобе захлопнул крышку рояля, отдав пальцы сидящему рядом Шампанейцу, и на фоне тихого всхлипывания успокаиваемых бабушками грудняшек грозно начал:

— Не для того я пришел сюда...

— Посторонних прошу очистить помещение, — боцманским голосом приказал Трубкин.

И когда робкие представители Дворцового актива, толкая друг друга, выбрались из малого зала, Борис, обратившись к разозленному Леонарду, тем же стальным голосом крикнул:

— Фужеров, давай!

Леонард, ободренный малочисленностью аудитории и военно-морской дисциплиной, установленной Борисом, тем же ужасным голосом прокричал лирические строки о нежной прелесть Мытищинских ночей. Воцарилось неловкое молчание, нарушенное привычным приказом Бориса:

— Веселовский, давай!

— По-моему, это просто дерьмо! — не сдержался Роман и тут же стал отрывать от себя Леонарда, вцепившегося в его горло.

С трудом разведя бойцов, Трубкин укоризненно обратился к Роману:

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ЗАВЕЩАНИЕ ГЛИНКИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

— Нехорошо, брат, в таких выражениях говорить о работе товарища. Песня, правда, не подарок, но тема нам нужна. Мытищи еще мало отражены в нашем творчестве. Гармонии явно стандартны, мелодия банальна, стихи полуграмотны, но тема делает эту песню значительной и нужной. Давай, Фужеров, приноси ее на радио, поддержим, — и Трубкин покровительственно похлопал по плечу Леонарда.

— А о твоей выходке, Веселовский, специально поставим вопрос где надо, — сердито сообщил он Роману. — Ну как, друзья, других мнений о песне не будет? — и вида, что коллеги безразлично молчат, Борис закрыл заседание.

— Одну минутку, товарищи! Через четверть часа в этом зале состоится встреча музыкальной общности со старинным сказителем из Калужской области Феодосием Мартыновичем Затыркем, который исполнит нам древние, малоизвестные народные песни, — гнусавым тенорком сообщил Иногданский. — Приглашаем всех желающих!..

У Фужерова оставалось свободными полчаса до прослушивания на радио, и он решил поприсутствовать на встрече со сказителем. Все равно деваться было некуда.

Выходя из малого зала, Леонард бросил гневный взгляд на телефонную будку, в которой, лукаво посмеиваясь и прикрывая трубку ладонью, оживленно, но вполголоса говорил с кем-то Веселовский.

— Жалкий завистник, — пробормотал Леонард и, сделав равнодушное лицо, спустился в буфет.

Раздался дребезжащий звонок, призывающий музыкальную общественность на встречу с Калужским сказителем, и Роман, выскочив из будки, присоединился к веренице членов ВОМСа, спешащих в малый зал, где знаменитого старика уже ожидала толпа фотографов, корреспондентов и фольклористов с портативными магнитофонами.

За круглым столом опять появился Трубкин и, призвав собравшихся к тишине, командовал:

— Введите сказителя!

Сейчас же приветливо распахнулась входная дверь, и два популярных музыканта Виктор Серый и Рудольф Грубый ввели, нежно поддерживая под локти, огромного, худого, длинного, как палка, бородатого старика в посконной рубахе, в лаптях и с посохом.

— Садитесь, уважаемый Феодосий Мартынович, — засуетились члены песенно-плясовой комиссии, — вот сюда! В креслице! Милости просим! — и Жарптицкий услужливо подсунул под старика знаменитое

ВОМСовское зеленое юбилейное кресло с вытертым плюшем.

Сказитель важно сел, утер рот рукавом и мрачно устоялся в зал.

— У кого будут вопросы к товарищу Затырке? — поинтересовался Трубкин и, увидев по-школьному поднятую руку Романа, командовал: — Веселовский, давай!

Роман встал и робким голосом начал:

— Уважаемый старичок! Мне бы очень хотелось, чтобы вы поделились с присутствующими вашими воспоминаниями о пожаре Москвы и отступлении французов. Как известно, армия Мюрата...

Последние слова он договаривал на ходу, под возмущенный ропот собравшихся, по распоряжению Трубкина быстро влекомый к выходу оперативным дежурным.

— Привет Илье Муромцу! Кланяйтесь Малюте Скуратову с семьей! — донеслось уже из-за закрытых Макухой дверей.

Подождав, пока уляжется волнение, вызванное безобразной выходкой Романа, Трубкин, обратясь к неподвижно сидящему в кресле сказителю, несвойственным ему фальшиво-ласковым голосом попросил:

— Дорогой, уважаемый Феодосий Мартынович, все присутствующие здесь музыкальные деятели очень просят вас исполнить вашу самую любимую старинную народную песню. Порадуйте нас, ознакомьте с жемчужинами из вашей сокровищницы. Мы все ждем с нетерпением.

Престарелый сказитель медленно встал, глаза его широко раскрылись. Он громко стукнул посохом об пол, выставил вперед одну ногу, откинул голову и приготовился. Громко щелкнули выключатели магнитофонов, завертели кассеты, фотографы прицелились, и карандаши музыкантов приготовились начать свой бег по нотной бумаге.

— Затырка, давай! — звенящим голосом отчаянно командовал Борис.

И тотчас же в наступившей тишине послышался дрожащий детский голосок старика, тихонько, но абсолютно точно выводящий незатейливые попевки широко известной Суховской мелодии:

— Хороши зимой к столу грибочки,
Еще лучше водочка зимой...

Пораженная аудитория застыла. Старик допел до конца, в пояс поклонился и сел. Зал продолжал безмолвствовать, и только из-за закрытых дверей слышался нахальный смех изгнанного Веселовского.

Трубкин подошел к неподвижно сидевшему старику, тронул его за плечо и смущенно попросил:

— Ну а еще что-нибудь...

— Это вот самая старинная. Еще прадед мне ее пел. Любимая у нас на селе. Душевная.

— Ну а все-таки какую-нибудь другую?

— Других никаких более не знаем. Других у нас не поют. Эта вот одна, самая старинная. Вот какое дело, робятушки, — недовольно произнес старик, встал с кресла, опять поклонился в пояс и, громко стукнув посохом, мерными шагами, не глядя ни на кого, пошел к выходу. Публика, вполголоса переговариваясь, потихоньку начала расходиться вслед за ним...

Было уже без четверти четыре, и Фужеров быстро шагнул, стараясь не опоздать на радио, где он мечтал пристроить свои «Мытищинские ночи», ободренный посулом Трубкина.

Оба лифта в Радиодоме были, как обычно, на ремонте, и ровно в четыре, не без усилия поднявшись на шестой этаж, стыдливо называемый четвертым, Фужеров подошел к двери Главного Музыкального Начальника Радио, около которой уже скопилось несколько его коллег, ждавших очередной порции славы и денег.

Весь дом звенел и содрогался от бесчисленного количества несогласованной музыки. Из двери напротив слышалась ария Ивана Сусанина в исполнении колоратурного сопрано — готовилась новая программа «Невеселого скучника». Из бухгалтерии доносились острые уколы ксилофонов — там, перед прослушиванием, репетировали музыкальные эксцентрики.

После длительного ожидания секретарша впустила, наконец, табунчик сочинителей в кабинет начальника.

Николай Павлович Чеплажкин был человеком деловым, хотя и членом ВОМСа. Занимая много лет руководящую должность на Радио, он все эти годы настойчиво старался покинуть свой пост (но, увы, безуспешно), дабы целиком отдаться творчеству, за что заслужил придуманное остряком Лецем прозвище «Невольный сын эфира».

Ввиду того, что Чеплажкин был по должности че-

* ВОМС — Всесоюзное Общество Музыкальных Сочинителей.